

Карпов Василий Парфентьевич

**Харьковская старина. Из
воспоминаний сторожила
1830-1860 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Парфентьевич К.**
Харьковская старина. Из воспоминаний сторожила 1830-1860 гг. / Карпов Василий Парфентьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 521 с.

ISBN 978-5-519-88506-5

ISBN 978-5-519-88506-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Село Кочетокъ теперь и 50 лѣтъ назадъ.

(Историческо-литературный очеркъ).

Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ.
Веселились, потѣшались,
Пировали круглый годъ!..
(Изъ „Аскольд. Могилы“).

I.

Кочетокъ для меня—старина-старинушка. Я съ нимъ знакомъ давно и знаю его въ цвѣтущую пору юности, а потому съ почтеніемъ теперь я снимаю передъ нимъ шапку... Но, Боже, какъ онъ измѣнился! Прошелъ я по широкимъ простѣкамъ его лѣса, побывалъ у источника, заглянулъ въ разные уголки его—и мнѣ невольно вспомнился романсъ прошлыхъ дней:

Все тѣ же, звѣздъ полныя, ночи
И пѣсни крестьянокъ—все тѣ жъ.
Но гдѣ-же прелестныя очи,—
Красавицы чудныя, гдѣ-жъ?..

Да, очень измѣнился Кочетокъ...

Когда-то шумный и игривый, когда-то чопорный, какъ великосвѣтская барыня, веселый, какъ сама юность, и разукрашенный, какъ на выставкѣ витрина, Кочетокъ сконцентрировалъ въ себѣ лучшее обще-

ство того времени не только Харьковской губерніи, но даже сосѣднихъ съ нею. Въ настоящее время Кочетокъ представляетъ собою мѣсто отдохновенія отъ трудовъ праведныхъ. Ученые, педагоги и служащіе разныхъ учрежденій имѣютъ въ Кочеткѣ свои дачи, чистенькія, благоустроенныя, безъ претензій на роскошь. И живутъ они на этихъ дачахъ каждое лѣто, пользуясь тишиною деревенской жизни, чистымъ, нагорнымъ воздухомъ, купаньемъ въ чистыхъ водахъ красавицы—рѣки Донца, и, наконецъ, громаднымъ количествомъ казеннаго лѣса, нетронутаго лезвіемъ ненасытнаго топора и дающаго уставшему труженику и тѣнь въ часы зноя, и прохладу, и неумолкаемый говоръ разнородныхъ птицъ подъ таинственный шелестъ листвы его...

И фізіономія Кочетка совсѣмъ не та, какою она была пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Какъ старецъ, онъ облысѣлъ и величавую когда-то красоту свою смѣнилъ на простоту нетребовательнаго селянина. Гдѣ когда-то шумѣлъ столѣтній дубовый лѣсъ, тамъ въ наши дни несчастный срубъ, заѣденный скотомъ; гдѣ когда-то былъ богатый источникъ чистой воды, тамъ теперь жалкая криница, въ водахъ которой едва прячется ведро съ своею руко-

яткою. Широкая и ровная просѣлка, когда-то носившая названіе „гвардейской аллеи“, въ настоящее время заросла травой. При вѣздѣ въ Кочетокъ, на рѣчкѣ Петлежкѣ, не умолкая, шумѣла мельница. Теперь ея ужъ нѣтъ

„Не слышенъ шумъ ея колесъ“....

Какъ памятникомъ былого осталось зданіе, называемое и теперь еще „ротондой“ и уже не разъ перестроенное. Но что-же вѣщаетъ о прошломъ эта „ротонда“? По субботамъ, подъ звуки духовой военной музыки, въ ней даются балы, на которые изъ лагерей съѣзжаются военные со своими семьями и танцуютъ, встрѣчая нерѣдко утреннюю зарю. Живущіе на дачахъ Кочетка почти не принимаютъ участія въ этихъ весельяхъ. Профессора и педагоги, — эти любители тишины и полного отдыха отъ тяжелаго умственного труда, — далеки отъ всякихъ подобныхъ увеселеній.

Теперь Кочетокъ, въ которомъ когда-то жизнь, вмѣстѣ съ его источникомъ, была ключемъ, живетъ жизнью тихою, жизнью семьянина и человѣка мысли...

„Пора надеждъ и трепетныхъ волненій
Прошла давно. Ей не вернуться вновь...
Настали дни больной души стремленій—,
Уйти отъ лжи и отъ ея оковъ“.

Тряхнувши стариной, я постараюсь воскресить въ своей памяти хотя общую

картину жизни Кочетка за пятьдесятъ лѣтъ назадъ; думаю, что она будетъ небезинтересна для читателя.

II.

Разскажи-ка, старичокъ,
Какъ жила въ стары годы,
Какъ водили хороводы,
Какъ плясали подъ гудокъ?
Разскажи-же, старичекъ?!..“

Въ дни моей молодости мнѣ пришлось выслушать интересный разсказъ о мѣстности, занимаемой нынѣ Кочеткомъ, отъ одного столѣтняго старца, аборигена тѣхъ мѣстъ.

Давно, за сотню лѣтъ назадъ, говорилъ мнѣ старикъ, мѣстность занимаемая нынѣ селомъ Кочеткомъ вообще, и, такъ называемымъ, „Новымъ Кочеткомъ“, въ особенности, представляла собою возвышенный бугоръ, сплошь покрытый густымъ, едва проходимымъ лѣсомъ. Столѣтній черный дубъ, чернокленъ, въ три и болѣе обхватовъ, липа, лѣсная груша, кислица, ясень и развѣсистый берестъ были тѣ деревья, которыя, группируясь дружной чередой, составляли собою густую лѣсную чащу. Въ этой чашѣ водились не только волки и лисицы, но и медвѣди. Вблизи и теперь существующей ротонды, гдѣ нынѣ стоитъ крестъ, стоялъ тогда скитъ, остат-

ки котораго я видѣлъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Оставшіяся отъ скита стѣны представляли изъ себя одноэтажное, совершенно вросшее въ землю длинное зданіе, съ окнами, едва выходившими изъ земли и имѣвшими желѣзныя рѣшетки, охранявшія скитниковъ отъ нашествія звѣрей и злыхъ людей. Скитъ этотъ заканчивался небольшою и невысокою церковью, у входа въ которую, вмѣсто колоколовъ, висѣла чугунная доска (било), по звону которой призывались люди къ молитвѣ. Отъ скита, по густому лѣсу, шла узкая тропинка, ведущая внизъ по склону бугра, къ большой ложбинѣ, гдѣ, подъ отвѣсной стѣной глинистаго обрыва, былъ родникъ чистой студеной воды. У изголовья родника стоялъ крестъ съ образомъ Богоматери. Этотъ крестъ у родника помнили многіе первопоселенцы стараго Кочетка и мѣсто это, и образъ, какъ святыня, всегда были чтимы народомъ.

Сурово смотрѣлъ въ тѣ дни на каждого случайнаго пришельца „непробудный“ лѣсъ. Сердито шумѣлъ онъ своею листвою и, качая грустно вершинами деревьевъ, казалось, предупреждалъ зашедшаго въ него путника о бѣдѣ и напасти. Если не встрѣча съ лютымъ звѣремъ, то свистъ и говоръ отчаянныхъ головорѣзовъ-разбой-

никовъ не разъ наводили ужасъ на паломника, пробиравшагося въ скитъ помолиться... И только иноки, уйдя въ дебрь отъ суетнаго міра, жили въ ней, обрекли себя на всевозможныя лишенія. Время отъ времени непроходимая чаща лѣса оглашалась призывнымъ звономъ „била“ на молитву, и дебрь пустынная несла этотъ таинственно-отрадный звукъ его, передавая вѣсть отъ дерева къ дереву, отъ бугра къ бугру, пока звуки не скрывались, на конецъ, въ отдаленной чащѣ лѣса. И, быть можетъ, не разъ ободренный этимъ радостнымъ звукомъ паломникъ спѣшилъ въ скитъ и обнажалъ свою голову, благоговѣйно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

Такою была мѣстность, нынѣ занятая Кочеткомъ.

III.

Въ сороковыхъ годахъ Кочетокъ, въ числѣ другихъ селъ и деревень, былъ причисленъ къ военнымъ поселеніямъ и въ немъ постоянно жили солдаты, дѣти которыхъ были кантонистами.

Вслѣдствіе гористой и густо поросшей лѣсомъ мѣстности, вблизи роскошной рѣки Донца съ ея водными притоками: р. Бабкой, Петлегой и многими плесами, поселенцы-солдаты нерѣдко страдали ревма-

тизмами и перемежающимися лихорадками. Это дало мысль военному вѣдомству устроить въ Кочеткѣ лѣчебницу, по методѣ Присница, для офицеровъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ. Этой мысли исполнѣ отвѣчалъ вышеупомянутый источникъ, который былъ богатъ водою. Ключъ его, вырываясь изъ подъ отвѣсной глинистой скалы, былъ такъ силенъ, что поселенцы, сдѣлавши деревянный срубъ, не болѣе аршина высотой, всегда имѣли воду въ уровень со срубомъ, а посрединѣ этого уровня воды виднѣлась „шапка воды“, постоянно клокотавшая и поднимающаяся до двухъ вершковъ вверхъ.

Съ разрѣшенія Государя Императора Николая I былъ устроенъ санаторій и открытъ лѣчебный курортъ для нуждавшихся въ гидропатическомъ лѣченіи.

Въ густомъ лѣсу было сдѣлано нѣсколько широкихъ просѣкъ, образовавшихъ проспекты, ведущіе къ источнику. Были выстроены лѣчебницы и зданія съ ваннами и душами, а изъ столѣтняго лѣса была выстроена цѣлая улица дачъ, съ балконами и верандами, и, наконецъ, была возведена ротонда, съ хорами для двухъ оркестровъ и съ обширною верандою, подъ навѣсомъ которой дамы и кавалеры вели бесѣды и раскладывали гранъ-пассьянсы.

Главнымъ завѣдующимъ врачомъ этого курорта былъ назначенъ докторъ, лѣтъ пятидесяти, Слизіевскій.

Слухъ объ открывавшемся курортѣ, въ то время единственномъ въ Малороссіи, быстро облетѣлъ не только Харьковскую губернію, но и сосѣднія съ нею. Этому много способствовала не пресса того времени, которая, къ слову сказать, была до цѣломудрія молчалива, а офицеры, принадлежавшіе къ дворянскому сословію и бывшіе сыновьями помѣщиковъ Харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Штатскіе люди, въ то время, были въ тѣни и назывались „штатфирками“. Выдать замужъ дочь свою за штатскаго, а не за военнаго — это былъ во всякомъ случаѣ нежелательный компромиссъ. Военный человѣкъ того времени даже воспѣвался поэтами:

„Но русскій мужъ, при томъ военный,
Составить счастье для жены!..“

Фамусовъ съ гордостью говорилъ о московскихъ барышняхъ, которыя --

„Къ военнымъ людямъ такъ и льнуть,
Все потому, что патріотки“.

И только великій Пушкинъ подарилъ насъ романомъ, въ которомъ два героя, Онѣгинъ и Ленскій, — оба штатскіе...

IV.

Для того, чтобы представить читателю въ полной силѣ картину цвѣтущей жизни Кочетка, я нигдѣ, кромѣ Троицкой ярмарки, не могу заpastись необходимыми для нея красками. А потому, да проститъ мнѣ читатель, что я въ этой главѣ задержу его въ г. Харьковѣ и остановлюсь на Троицкой ярмаркѣ.

Въ описываемые мною годы Троицкая ярмарка была, преимущественно, шерстяной ярмаркой. Помѣщики, какъ Харьковской, такъ и сосѣднихъ съ нею губерній, огромными партіями привозили шерсть въ г. Харьковъ и продавали ее преимущественно за наличныя деньги пріѣзжимъ московскимъ и иностраннымъ фабрикантамъ. Оборотъ шелъ на милліоны рублей, и каждый помѣщикъ, къ концу ярмарки, становился богачемъ. Городъ въ эти дни принималъ праздничный видъ и представлялъ собою пеструю картину причудливаго маскарада. По всѣмъ улицамъ можно было видѣть различнаго фасона экипажи, везомые тройкой, четверикомъ и даже шестерикомъ лошадей цугомъ, съ однимъ или двумя лакеями на запяткахъ.

Дамы, разодѣтыя въ робронахъ, кружевахъ и полонтинахъ, а съ ними красави-

цы дочери, въ бѣлоснѣжныхъ костюмахъ, въ тюлевыхъ и кисейныхъ кофточкахъ, съ длинными, шелковыми шальми на плечахъ, плавною поступью, ходили по улицамъ, заходя то въ одинъ, то въ другой магазинъ для разныхъ покупокъ. Ихъ, обыкновенно, сопровождали ливрейные лакеи, по два и по три человека, соответственно чину и состоянію дамъ. А это, въ свою очередь, усиливало краски маскарада и дѣлало улицы еще болѣе пестрыми. Лучшіе модные магазины: m-me Саде, Урюпина, Золотарева и др. торговали въ эти дни „во всю“.

Если-же Троицкая ярмарка совпадала съ выпускомъ изъ института благородныхъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ, что происходило черезъ два года въ третій, то въ тѣ годы Троицкая ярмарка, а вмѣстѣ съ нею и г. Харьковъ, становились еще многолюднѣй. Пестрота костюмовъ и лицъ, разнообразіе фасоновъ экипажей и увеличенное количество женской прислуги усиливало краски праздничной картины города, который, казалось, въ тѣ дни, ликовалъ побѣду надъ нищетою и бѣдною. Въ эти дни ярмарки можно было видѣть на улицахъ города дамъ въ костюмахъ времени Павла Петровича, съ ридикюлями въ рукахъ и въ соломенныхъ